

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1873 г.

ТОМЪ VII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, № 2—49.

1873.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ПОЛКОВНИКА ВАДКОВСКАГО.

1820—1822:

Извѣстное происшествіе въ старо-Семеновскомъ полку, 18-го октября 1820 г., оставило глубокій слѣдъ въ царствованіи Александра I. Семеновскими событіемъ объясняется рѣшительный поворотъ правительства того времени на путь крайней реакціи. Отсюда понятно, почему этотъ эпизодъ имѣть важное значеніе для изслѣдователя и новыхъ о немъ подробности имѣютъ значеніе. Таковыя подробности представляются записки полковника Ивана Федоровича Вадковскаго, бывшаго въ 1820 году командиромъ 3-го, а потомъ 2-го баталіона лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

Разсказъ Вадковскаго озаглавленъ въ подлинникѣ «оправдательная статья», и дѣйствительно, кромѣ довольно подробнаго изложенія событій 18-го октября и послѣдующихъ дней 1820 г., онъ заключаетъ въ себѣ оправданія автора противъ виновныхъ на него обвиненій въ нераспорядительности и проч. Во всякомъ случаѣ, «оправдательная статья» Вадковскаго, вмѣстѣ съ напечатанными уже въ «Русской Старинѣ»¹) разсказомъ очевидца и письмами кн. Васильчикова, всесторонне разясняютъ, такъ называемую, Семеновскую исторію 1820 г.

Ред.

Въ апрѣль мѣсяцѣ 1820 года, полковникъ Шварцъ переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. Примѣтивъ вспышчивость новаго полководца, предвида непріятности, могущія чрезъ то быть мнѣ навлекаемы, рѣшился я оставить вышесказанный полкъ, и просилъ о переводѣ своемъ въ полевые полки²). Вскорѣ послѣ сего получилъ я письма отъ генераловъ Ермолова, Дибича и Храповицкаго, которые предлагали мнѣ полки и брались поддержать пред-

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1871 г., т. IV, стр. 419, 533 и 646.

²⁾ Лишь одному несчастью приписать я могу неуспѣхъ всѣхъ моихъ предприятій на счетъ перевода моего въ полевые полки. Генералами: Ермоловымъ, Дибичемъ, Горчаковымъ, Потемкинымъ и Храповицкимъ были предложены и частію обѣщаны мнѣ полки; къ командованію нѣкоторыхъ былъ даже я представленъ. Но приключеніе, случившееся лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку, заставившее меня исполнить обязанность другихъ, прервало всѣ способы, которые могъ я употребить для собственныхъ своихъ выгодъ. В.

принимаемое мною¹). Его высочество великий князь Михаиль Павловичъ былъ столько милостивъ, что изволилъ обѣщать мнѣ свое по-кровительство. Всякий день ожидалъ я представления моего въ полковые командиры и утвержденія его величества. Желаніе мое, однако, не совершилось.

Въ маѣ мѣсяцѣ, того же года, во время командованія мною 3-мъ баталіономъ, замѣтивъ, что грубое и строгое обхожденіе г-на полковника Шварца отяготительно было для подчиненныхъ, принялъ я намѣреніе идти къ нему для представления моихъ замѣчаній²). Того же дня, въ пять часовъ по полудни, получилъ я, чрезъ полковника Обрескова, приглашеніе отъ г-на начальника гвардейскаго штаба, не-медля явиться къ нему. Совершенно лишнимъ полагаю пояснить, какимъ образомъ и отъ кого генераль Бенкендорфъ узналъ, что я на-мѣренъ быть идти къ полковнику Шварцу. Г. начальникъ штаба тре-бовалъ отъ меня свѣдѣнія на счетъ обращенія г. полковаго коман-дира съ подчиненными. Войда съ нимъ во всѣ подробности, я пред-ставилъ ему все, что мнѣ, по сему случаю, извѣстно было. Генераль Бенкендорфъ просилъ меня оставить мое намѣреніе, увѣряя, что чрезъ сей поступокъ, могущій обратить на полкъ гнѣвъ государя им-ператора, я пользы оному полку никакой не принесу. Именемъ же г. корпуснаго командира далъ мнѣ почувствовать, что ежели Семе-новскій полкъ, для избѣжаній всѣхъ непріятностей, рѣшился еще нѣсколько потерпѣть, то въ малое время увидить счастливую пере-мѣну³), ибо г. корпусный командиръ долгомъ себѣ поставить пред-ставить на видъ его императорскому величеству грубое и та-гостное обращеніе съ подчиненными г. полковаго командира; при томъ, гене-раль Бенкендорфъ приказалъ мнѣ успокоить гг. офицеровъ⁴) вѣ-ренного мнѣ баталіона и позволилъ передать имъ вышеупомянутыя его слова, что и было въ тотъ же день исполнено⁵).

¹) См. ниже письма подъ литерами А, В и С.

В.

²) Намѣреніе мое идти къ полковому командиру не ясно-ли доказывается, что я имѣль въ виду общую пользу. Ежели же въ полку существовало на-чало заговора, не къ безразсудству-ли, не къ сумашествію-ли должноствовало тогда приписать принятую мною таковую мѣру?

В.

³) Его превосходительство подъ названиемъ счастливой перемѣны не пони-малъ-ли поваго полководца, котораго обѣщалъ мнѣ и прочимъ баталіоннымъ командрямъ?

В.

⁴) Нѣкоторые изъ нихъ явили желаніе выйти въ отставку.

В.

⁵) Ежели бы, какъ то старались внушить государю императору, безпорядокъ, случившійся лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку, могъ называться возмуще-ниемъ, имѣющимъ начало свое за нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе: ежели въ маѣ мѣсяцѣ, въ свиданіи моемъ съ генераломъ Бенкендорфомъ, изъ словъ и до-

Одиночные, ротные, батальонные, полковые ученья и лагерь занимали полкъ — июнь, юль, августъ и сентябрь мѣсяцы 1820 г.

Наконецъ, 1820 года, октября 17-го дня, во второмъ часу по полуночи, получилъ я отъ г. капитана Кошкова письменное донесеніе, въ которомъ объявлялъ онъ мнѣ, что рота его императорскаго величества, ввѣренная его командѣ, собравшись, безъ него на то приказанія, въ 10 часовъ вечера, просила покорно довести до свѣдѣнія моего, „что тягость трудовъ, возложенныхъ ежедневно на нее господиномъ полковымъ командиромъ, превозмогла силы ея, и тѣмъ понуждала искать убѣжища въ справедливости высшаго начальства“. Г. капитанъ Кошковъ увѣдомлялъ меня въ томъ же донесеніи, что, по единому его приказанію, люди разошлись по комнатамъ и легли спать. Я долгомъ почель дождаться утра, для выслушанія просьбы подчиненныхъ; неожиданное мое прибытіе въ роту, среди ночи, полагалъ я лишнимъ¹⁾!....

Итакъ, въ седьмомъ часу утра, пріѣхавъ въ роту, приказалъ не медля ей собраться; тщетно доказывалъ я людямъ беззаконіе ихъ поступка, тщетно говорилъ я имъ, что таковое нарушеніе военныхъ постановленій должноствовало навлечь на нихъ гнѣвъ и наказаніе государя императора! Въ отвѣтъ моимъ упрекамъ, моимъ увѣщеваніямъ и угрозамъ, люди только просили меня довести до свѣдѣнія высшаго начальства, „что беспрестанный чистка и бѣление аммуниції не только лишали ихъ собственности, но часто, даже и въ самые воскресные дни, не позволяли имъ исполнять христіанскаго долга слушаніемъ божественной литургіи“. Приказавъ людямъ ра-

несеній моихъ замѣтить или предвидѣть можно было, что общее неудовольствие полка на полковника Шварца могло бы возродить заговоръ,—не обязанность ли была его превосходительства довѣдаться истины, принять тогда же благоразумныя мѣры, и тѣмъ въ началѣ искоренить зло? Къ чему припишемъ также мы пятимѣсячное молчаніе г. корпуснаго командира? не извѣщенъ ли овъ былъ обо всемъ господиномъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса?

В.

¹⁾ Ежели бы рота не расходилась, то дѣйствительно обязанность моя была явиться въ опую и возстановить падлежащій порядокъ; но капитанъ Кошковъ, увѣдомляя меня въ своемъ донесеніи, что люди, безъ шума, безъ сопротивленія, послушно, почтенно и покорно привяли его приказанія, разошлись по комнатамъ и легли спать,—здравый разсудокъ, опытность и самое повиновеніе нижнихъ чиновъ ясно и неоспоримо доказывали, что бунта еще никакого не существовало. Глубочайшее спокойствіе царствовало въ ротѣ, люди спали,—для чего жъ бы я пріѣхалъ? будить ихъ? тревожить? собрать? допрашивать? суетливая, робкая, неумѣстная предосторожность, которая, возстановивъ людей противъ меня, могла бы имъ показаться страхомъ съ моей стороны, и дать имъ мысль о силѣ ихъ.

В.

зойтись, что и было исполнено, поѣхалъ я къ полковому командиру и донесъ ему о случившемся происшествіи. По принятіи словеснаго моего рапорта, полковникъ Шварцъ поѣхалъ, не извѣстно мнѣ куда, увѣряя, что поспѣшить обо всемъ извѣстить высшее начальство¹⁾. Того же утра, въ 11 часовъ, его высочество великий князь Михаиль Павловичъ, сопровожденный господиномъ начальникомъ гвардейского штаба, генераль-адъютантомъ Бенкendorfомъ, прїѣхалъ въ роту его величества. Его высочество и генералъ Бенкendorфъ, вошедши прямо въ комнату фельдфебеля, потребовали тамъ отъ меня и отъ капитана Кошкарова словесныхъ рапортовъ на счетъ незаконного сбора людей; нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ дежурного и дневальныхъ, допрашивали они по одиночкѣ; потомъ приказали мнѣ собрать роту гренадеровъ въ нижнемъ, а стрѣлковъ—въ верхнемъ корридорахъ. По исполненіи сего, его высочество сперва гренадерамъ, а потомъ и стрѣлкамъ изволилъ попрекать преступленіе ихъ. Замѣтивъ неудовольствіе людей, отъ раздѣленія ихъ на двѣ части, я немедля доложилъ о семъ генералу Бенкendorфу. По предложенію уже моему, вся рота сведена была въ нижній корридоръ, гдѣ начальникъ штаба сталъ оную допрашивать. Люди, на сдѣланніе имъ вопросы, совершенно тоже отвѣчали, что передъ симъ уже говорили капитану Кошкарову и мнѣ. Генералъ Бенкendorфъ, при всемъ стараніи, не могъ уговорить оныхъ; рота упорствовала и представляла, съ покорностю однако, тягость трудовъ, возложенныхъ на нее полковымъ командромъ. Распустивъ людей, его превосходительство приказалъ капитану Кошкарову и мнѣ къ восьми часамъ вечера доставить въ гвардейскій штабъ письменные рапорты о вышесказанномъ происшествіи²⁾. Въ три часа пополудни, будучи на квартире капитана Кошкарова, для составленія съ нимъ рапортовъ, требуемыхъ отъ насъ, єздовой, присланный ко мнѣ, объявилъ волю его высочества, дабы сей же

¹⁾ Мнѣ кажется, что, соображая долгъ службы съ здравымъ умомъ, входило нѣкоторымъ образомъ въ обязанность полкового командаира прїѣхать самому въ роту, самому оную допросить и самому привести виновниковъ,—или рѣшительностию своею въ страхъ, или разсудительностию—въ раскаленіе. Неожиданное появленіе полкового командаира, среди возставшихъ на него, несомнѣнно, поразило бы мятежниковъ; инспекторскій смотръ кончилъ бы начатое, давъ людямъ способъ законно явить свое неудовольствіе. **В.**

²⁾ Меня обвиняютъ въ томъ, что, прїѣхавъ въ роту, я не умѣль ни отыскать зачинщиковъ, ни прекратить безпорядка. Чѣмъ оправданъ будетъ неуспѣхъ генерала Бенкendorфа, который, находясь немалое время въ казармѣ и имѣвъ, какъ по званію своему, такъ по власти и чину, стократъ болѣе меня способовъ, не могъ, однако же, довѣдаться истинѣ? И если мнимая моя медленность учинила зло, была-ли польза отъ нерѣшимости начальниковъ? **В.**

часть явиться къ нему. По прибытии моемъ во дворецъ, великий князь спросилъ: „что дѣлается въ полку? и не замѣтилъ ли я въ ономъ какого-либо беспорядка?“ Смѣло отвѣчалъ я его высочеству, что вездѣ, сколь могъ я замѣтить, существовали порядокъ и тишина. Хотя и не моя обязанность была, но упрашивалъ я его высочество прекратить сіе преиспещеніе, не доводя оное до свѣдѣнія высшаго начальства, какимъ-либо домашнимъ наказаніемъ. Бригадный командиръ на то согласился, съ тѣмъ, однако, чтобы, поѣхавъ въ роту его величества, обратно бы привезъ ему раскаяніе низкихъ чиновъ въ вышеупомянутомъ проступкѣ. Прибывъ туда и собравъ роту, употребилъ всѣ способы, дабы доказать людямъ важность ихъ вины и дабы вразумить ихъ, что одно признаніе въ оной могло еще возвратить прежнее къ нимъ благорасположеніе начальниковъ, но тщетно! Я поѣхалъ обратно во дворецъ и доложилъ обо всемъ его высочеству; генераль Бенкендорфъ, случившійся тутъ, приказалъ мнѣ, того же опять дня, къ восьми часамъ вечера, привести роту въ штабъ гвардейскаго корпуса: рядовыхъ — въ шинеляхъ и фуражныхъ шапкахъ; унтеръ-офицеровъ же — въ киверахъ съ тесаками; при оной ротѣ велико было находиться однимъ капитану Кошкарову и мнѣ. Генераль Бенкендорфъ былъ такъ милостивъ, что изволилъ мнѣ самъ открыть причины сего ночнаго похода. По его словамъ: „Г. корпусный командиръ, желая видѣть людей, но, будучи самъ нездоровъ, а посему въ невозможности прїѣхать въ полкъ, требовалъ ихъ въ штабъ для учиненія имъ допросовъ“¹⁾). Прїѣхавъ въ полкъ, первою обязанностію почелъ довести до свѣдѣнія г. полковаго командира даннаго мнѣ господиномъ начальникомъ штаба привказанія; не нашедъ его дома и увѣдомивъ объ оныхъ дежурнаго по полку г. штабсъ-капитана Рындина, повелъ я роту; оную приужденъ былъ собирать при свѣчахъ; на всѣхъ лицахъ изображены были неудовольствіе и страхъ. Наконецъ, сопровождаемый немалымъ количествомъ праздныхъ людей, прибыль я на мѣсто назначенія и выстроилъ роту на площади, противъ штаба; тутъ, разсмотрѣвъ, что, по причинѣ скопившагося народа, мѣсто нисколько не приличествовало къ допрошенню людей, принялъ я на себя смѣлость дать сіе замѣтить господину начальнику штаба, въ присутствіи господина корпуснаго командаира и генерала Бистрома, сидѣвшихъ тогда въ сѣняхъ штаба. Ге-

¹⁾ Довольно странно должно было всѣмъ показаться, что болѣзнь, помѣшившая генераль-адъютанту Васильчикову прїѣхать въ полкъ, не помѣшила ему тогда же, въ семь часовъ вечера, прибыть въ манежъ, который, какъ всѣмъ известно, не менѣе былъ отдаленъ отъ квартиры, занимаемой его превосходительствомъ.

нераль Бенкендорфъ отвѣчалъ мнѣ, „что, во избѣжаніе таковыхъ неудобствъ, приняты уже надлежащія мѣры, что манежъ отпerte и освѣщенъ!“ Потомъ приказалъ онъ мнѣ ввести въ оный людей, что и было исполнено. Въ манежѣ нашелъ я уже выстроенные, въ аммуниципахъ и съ ружьями, двѣ роты лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Г. корпуснй командиръ, прибывшій въ оный вмѣстѣ съ нами, окружилъ себя людьми ввѣренной мнѣ команды; что говорилъ онъ имъ— мнѣ неизвѣстно, но, вѣроятно, люди допрашиваемы не были, ибо я не слыхалъ ни одного отвѣта; вскорѣ послѣ того приказалъ онъ имъ идти въ Петропавловскую крѣпость, подъ конвоемъ вышеозначенныхъ ротъ¹⁾). Я же, во время выступленія роты изъ манежа, поѣхалъ, по приказанію корпуснаго командира, въ штабъ, гдѣ и ожидалъ прібытия его превосходительства. Генералъ Васильчиковъ не замедлилъ пріѣхать; принявъ меня весьма благосклонно, онъ изволилъ войти со мною во всѣ подробности случившагося, велѣлъ мнѣ ѻхать въ полкъ и сообщить полковнику Шварцу, дабы онъ, немедля, явился къ нему. Возвратившись съ капитаномъ въ полкъ, рапортовалъ я обо всѣмъ господину полковому командиру и явилъ ему волю генерала Васильчикова, прося притомъ его, по причинѣ недостатка людей во ввѣренномъ мнѣ баталіонѣ, снабдить меня приказаніями касательно составленія нашихъ карауловъ, имѣющихъ быть на другой день. По принятіи сихъ приказаний, поѣхалъ я въ баталіонъ для передачи оныхъ фельдфебелямъ; въ ротахъ нашелъ я всѣхъ людей спящихъ, дежурныхъ и дневальныхъ—при своихъ мѣстахъ; однимъ словомъ, обыкновенный и надлежащій порядокъ. У первой роты подошелъ ко мнѣ случившійся тамъ, не знаю по какимъ причинамъ, полковой адютантъ Бибиковъ; именемъ г. полковаго командира приказалъ я ему съ каждой роты всего полка нарядить по 20-ти человѣкъ рядовыхъ къ дополненію карауловъ на мѣсто роты его величества. Немѣвъ никакого подозрѣнія, отправился я домой, а Бибиковъ поспѣшилъ въ канцелярію для вышеозначенного наряда; но, чтобы исполнить приказаніе господина полковаго командира, надлежало будить во всѣхъ ротахъ фельдфебелей, во всѣхъ ротахъ—капральскихъ унтеръ-ofiцеровъ, во всѣхъ ротахъ—правящихъ ефрейторовъ, во всѣхъ капральствахъ—по пяти человѣкъ рядовыхъ! Изъ сего воспослѣдовали (полагаю я) вопросы, отвѣты, прибавленія къ онымъ, и, вѣроятно, вотъ какимъ образомъ весь полкъ, въ теченіе, можетъ быть, получаса,

¹⁾ Нужно замѣтить, что когда роту ввели въ манежъ, барабанщикъ и флейтистъ отпустили домой; фельдфебель и унтеръ-ofiцеры, проводивъ ону въ крѣпость, были также отосланы въ полкъ. Мудрено ли было разместиться слуху о заточеніи роты его величества въ крѣпость?

изъщень бытъ о заточеніи роты его величества въ казематы Петровпавловской крѣпости.

По возвращеніи моемъ на свою квартиру, едва прошелъ часъ времени, какъ посланный ко мнѣ верхомъ вѣстовой уведомилъ меня, что первая рота собралась въ коридорѣ. Одѣвшись со всемъ возможной скоростью, немедля, побѣхъ въ баталіонъ. Прибывъ въ первую роту, принялъ рапортъ дежурнаго при онойunter-офицера и узнавъ отъ него, что весь баталіонъ находится въ казармѣ 3-й роты, послѣшилъ я въ ону, гдѣ дѣйствительно нашелъ всѣхъ людей вѣреннааго мнѣ баталіона, толпящихся въ беспорядкѣ и шумѣ; присутствіе мое возстановило тишину и молчаніе. Люди, сколь позволяла имъ тѣснота, выстроились и выровнялись. Разспросивъ у нихъ причину таковаго ихъ сбороища, въ необыкновенный часъ и безъ приказанія на то начальства, получилъ я отъ нихъ въ отвѣтъ, что они покойными быть не могутъ безъ роты его величества. Объяснивъ имъ, что не ихъ дѣло входить въ распоряженіе начальниковъ своихъ, приказалъ я имъ разойтись по комнатамъ и готовиться къ караулу, на что они отвѣчали, что „начальству никогда сопротивляться не хотѣли, что къ караулу будуть готовы, но не иначе, какъ съ головою, то есть, съ ротою его величества, ибо безъ нея не къ чему пристраиваться“. Касательно же полковника Шварца единствено изъявляли они желаніе видѣть его и просить у самаго его освобожденія роты его величества; даже и поговаривали, что надо идти его искать.... Мнѣ, какъ баталіонному командиру, надлежало помышлять имъ исполнить таковое намѣреніе. Но какъ и какимъ способомъ? Дѣйствовать строго и рѣшительно, употребить угрозы и наказанія, почиталъ я первою нелѣпостью, ибо шумящая толпа, забывъ уже всякую дисциплину, могла бы ослушаться. Что-жъ бы воспослѣдовало? Мятежники таковымъ ослушаніемъ, показавъ явное презрѣніе къ чину и званію моему, познали бы степень силы своей, потеряли бы всякое ко мнѣ уваженіе, а чрезъ то и лишили-бъ меня возможности остановить ихъ; они бы, въ присутствіи моемъ, ворвались въ дверь, вышли бы изъ роты, разбрѣжались бы по полку, искали бы полковаго командира, вѣились бы силою въ кабаки, и такимъ образомъ нарушили-бъ, можетъ быть, спокойствіе всего города. Итакъ, довѣrie ихъ и любовь ко мнѣ, будучи единственное орудіе, которымъ еще можно было дѣйствовать, и единственная препопа, еще могущая остановить ихъ стремленіе,—я приказалъ и получилъ отъ нихъ обѣщаніе, ждать меня часъ времени въ коридорѣ 3-й роты, объявивъ, что имъ намѣреніеѣхать къ начальникамъ для донесенія имъ о происшедшемъ и для исходатайствованія баталіону моему прощенія. Посему видно, что

таковую мѣру принялъ я, дабы чѣмъ бы то ни было обуздатъ людей, изъявляющихъ громогласно желаніе оставить роту и идти искать полковаго командира; настоящая же моя цѣль была, сообразно 136-му артикулу воинскаго сухопутнаго устава, идти къ полковнику Шварцу, донести ему обо всемъ и уговорить его пріѣхать въ баталіонъ, или, по крайней мѣрѣ, снабдить меня приказаніями, приличными случаю. Полковникъ Шварцъ имѣлъ квартиру свою въ полку и я не сомнѣвался, что возвращусь гораздо прѣжде назначенаго мною срока; но, къ несчастію, я его не нашелъ дома..... Чувствуя, однако, сколь врема дорого было, и не желая потерять довѣрія нижнихъ чиновъ, увѣренъ будучи, что начальники не замедлятъ снабдить меня найскорѣйшими приказаніями или совѣтами, поѣхалъ я къ бригадному командиру и донесъ ему о вышесказанномъ; великий князь приказалъ мнѣѣхать за генераломъ Бенкендорфомъ. Прибывши на квартиру господина начальника штаба, нашелъ уже у него полковаго адъютанта Бибикова, который доносилъ ему, что 1-й баталіонъ и часть про-чихъ двухъ баталіоновъ, вышедши изъ казармъ, собирались на пол-ковомъ дворѣ¹⁾). По получениіи сего словеснаго рапорта, генералъ Бенкендорфъ послалъ Бибикова къ великому князю съ тѣмъ, что самъ къ нему не будетъ, но просить его высочество не медля при-быть въ домъ господина корпуснаго начальника; мнѣ же повелѣно былоѣхать въ штабъ, для собранія всѣхъ адъютантовъ онаго, по исполненіи чего также явиться къ генералу Васильчикову. Симъ по-слѣднимъ былъ я допрошеннъ о всемъ случившемся; принять донесеніе мое, корпусный командиръ былъ такъ милостивъ, что спросилъ у меня мнѣніе мое на счетъ встрѣтившихся обстоятельствъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку, и позволилъ изложить ему мѣри, полагаемыя мною полезнѣйшими, для возстановленія надлежащаго порядка. Я осмѣлился просить одной милости и дерзнуль предло-жить два совѣта; милость была та, чтобы г. корпусный командиръ возвратилъ роту его величества, которая, по сему-несчастному случаю, уже не одна виновна была; слѣдовательно, весь полкъ долженъ быть съ нею наказаніе терпѣть; возвращеніе же оной роты, возстановивъ порядокъ и тишину, помѣшало бы сему несчастному случаю разгла-ситься; притомъ я смѣль отвѣтить, что по отдачѣ роты полку, онъ на другой день вступить въ караулъ, а тѣмъ прервутся всякие шумы.

¹⁾ Нѣсколько разъ приводилъ я на память генераламъ, у которыхъ былъ въ ночи 18-го числа, что баталіонъ меня ожидаетъ. Несомнѣнно, и дождался бы онъ меня, ежели бы не нечаянное возвращеніе наряженного караула, съ бывшаго того вечера маскарада, не привело людей въ отчаяніе, давъ имъ ду-мать, что оный присланъ былъ для установления въ 3-й ротѣ порядка. В.

и роптаніе. Главнѣйшая причина моей просьбы была та, что, предвидя гласность сего происшествія, предвидя огорченіе, могущее быть чрезъ то нанесено всемилостивѣшему государю императору моему, страшась вліянія, которое могло оно имѣть на народъ и войско, единая цѣль моя, единое желаніе мое были, какими-то-либо мѣрами ни было, въ ту же самую ночь установить порядокъ и тѣмъ самимъ утаить отъ народа вышеописанное приключеніе; по смѣнѣ же съ караула, г. корпусный командиръ всегда воленъ былъ производить наказаніе, которое бы заблагоразсудилъ. Совѣтъ мой былъ первый: чтобы господинъ корпусный начальникъ изволилъ самъ немедленно юхать въ полкъ, а второй, чтобы онъ велѣлъ привести роту артиллерійскую на полковой дворъ и попробовалъ бы нѣсколькими выстрѣлами пострашать виновныхъ. Вскорѣ, по предложенію сего послѣдняго совѣта, разсмотрѣлъ я самъ неосновательность онаго¹⁾. Г. корпусный командиръ, посовѣтовавшись съ генераломъ Бенкендорфомъ, изволилъ мнѣ отвѣтить, что роты его величества ни подъ какимъ видомъ не возвратить, ибо таковой поступокъ докажетъ слабость начальства; юхать немедля въ полкъ также отказалъ; но велѣлъ мнѣ объявить собранной толпѣ, что къ 8-ми часамъ утра прибудетъ онъ самъ въ полкъ и сдѣлаетъ инспекторской смотръ. До того же времени долженъ былъ я, пятый штабъ-офицеръ въ полку, мимо самого полковаго командира, мимо старшихъ двухъ баталіонныхъ командировъ....., долженъ былъ я увѣщевать людей, дабы разошлись и легли спать! Тутъ же, при мнѣ, приказалъ онъ генералу Бенкендорфу нарядить лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ въ караулъ, а самъ явиль намѣреніе юхать къ графу Милорадовичу, къ которому предписалъ мнѣ послать офицера съ донесеніемъ о вліяніи, которое будуть имѣть переданныя мною въ полкъ приказанія его; я отправилъ для сего къ его сіятельству дежурнаго при полку штабсъ-капитана Рындину.

Съ сего времени дѣйствовалъ уже я по приказанію высшаго начальства, и если были какія-либо ошибки, весьма тяжело будетъ мнѣ принять оныя на свою отвѣтственность... Совѣтъ моя чиста, угрызеніе не тяготить сердце мое; я исполнилъ свой долгъ, я поступалъ открыто; открыто и со всею возможной ревностію старался смирить мятежниковъ и угождать тѣмъ, отъ коихъ я зависѣлъ. Смѣло скажу, что не разъ усмотрѣлъ я достижениѳ своей цѣли, какъ въ собственныхъ и личныхъ одобреніяхъ начальниковъ, такъ и въ лестныхъ похвалахъ, коими они сопроводили порученіе мнѣ втораго баталіона;

¹⁾ Вѣроятно, невооруженная толпа, испугавшись строгимъ мѣрамъ, принятыхъ противъ нея, не стала бы защищаться, но разбрѣжалась бы по городу, что могло имѣть довольно пагубныя послѣдствія.

смѣло говорю, что вездѣ дѣйствовалъ по ихъ повелѣніямъ, не отклонялся отъ чести и закона, и во всѣхъ случаяхъ сего приключенія старался соображать мѣры свои съ обязанностями подчиненнаго, подданного и христіанина.

Итакъ, возвратясь въ полкъ, я нащель онъ на полковомъ дворѣ, толпящимся въ шумѣ и беспорядкѣ. Передавъ возмутителямъ приказанія господина корпуснаго командира, я вновь увѣщевалъ ихъ, вновь говорилъ имъ, чтобы они разошлись, легли бы спать и приготовлялись бы къ назначенному смотру. Люди, снимая фуражки, являя всѣ наружные знакиуваженія, не препятствовали, однако же, упорствовать, объявляя, что твердо намѣрены оставаться на площади и ждать на оной возвращенія имъ роты его величества.

Между 3-мъ и 8-мъ часами утра, пріѣзжали, въ разныя времена, господа генералы: графъ Милорадовичъ, Потемкинъ, Бистромъ и Бенкendorфъ¹⁾; всѣ говорили толпѣ, всѣ увѣщевали ону, но никто не успѣлъ. Одинъ генералъ Потемкинъ, силою привязанности къ нему прежнихъ подчиненныхъ, возродилъ между ими малое волнованіе; нижніе чины, окруживъ его превосходительство, съ большимъ вниманіемъ слушали учреки стараго ихъ командира: многіе изъ нихъ проливали слезы, нѣкоторые уже строились, и, убѣжденные офицерами, казались согласными войти въ должное повиновеніе..... Но внезапный пріѣздъ генерала Бистрома, коему корпуснымъ командиромъ повелѣно было принять командование лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, неожиданное, говорю, прибытие его превосходительства, отвлекши людей отъ словъ генерала Потемкина, какъ бы напомнило имъ причину ихъ сборища и какъ бы укоренило въ нихъ намѣреніе не отступать отъ требованія роты его величества. Въ то время, замѣтивъ, что народъ и любопытные количествомъ своимъ лишили свободнаго проѣзда мимо площади, страшась вліянія, которое могло имѣть надъ праздною толпою возмущеніе гвардейскаго полка и, видя притомъ, что медленность начальниковъ усугубляла лишь упрямство виноватыхъ, я испросилъ позволеніе у старшаго меня полковника Ефимовича ѿхать къ его высочеству и именемъ всего корпуса офицеровъ ходатайствовать

¹⁾ Въ теченіе сей ночи, что дѣлалъ генералъ Васильчиковъ? могъ-ли онъ забыть, что цѣнныи полкъ, въ беспорядкѣ, ждалъ его на площади полковаго двора, не винная ни просъбамъ, ни угрозамъ своихъ офицеровъ? могъ-ли онъ не подумать, что сей толпѣ легко было разбрѣзаться и тѣмъ усилить беспорядокъ? Нельзя здѣсь не замѣтить, что если сего не случилось, то единствено тѣмъ обѣзаны старанію господъ офицеровъ, которые, сколько могли, мѣшиали людямъ разсыпаться. Я самъ оставилъ немалое количество нижніхъ чиновъ, желающихъ воспользоваться общимъ сматеніемъ, чтобы ворваться въ кабаки.

у него освобождение, хотя на короткое время, заточенной его величества роты. Таковое позволение получивъ, я поспѣшилъ во дворецъ и прибылъ въ оный въ то самое время, какъ великий князь принималъ вѣстовыхъ, въ томъ числѣ и семеновскихъ¹⁾). Бригадный командиръ, не отринувъ моей просьбы, поѣхалъ немедленно къ корпусному. Я же возвратился въ полкъ.

Въ 9-ть часовъ утра уже и самъ генералъ Васильчиковъ пріѣхалъ въ оный; нетерпѣливая толпа, едва давъ ему выйти изъ кареты, вся двинулась къ нему,—корпусный командиръ приказалъ ей разойтись, стать по ротно и по баталіонно; но и его повелѣніе осталось неисполненнымъ. Когда же полкъ сталъ просить о возвращеніи роты его величества, генералъ Васильчиковъ рѣшительно отказалъ и велѣлъ оному слѣдовать въ Петропавловскую крѣпость. Тогда нижніе чины, въ видѣ неустроенной толпы, а не гвардейского полка, поспѣшили устремиться со своими полковыми начальниками. Въ крѣпости, уже и волею генерала Васильчикова, они выстроились во взводныя колонны справа, по командѣ своихъ баталіонныхъ командировъ; послѣ чего люди по ротно были посажены въ казематы; дежурные офицеры оставлены при нихъ, а остальные отпущены домой.

На другой день, то есть 19-го числа, въ 7-мъ часовъ утра, посланный ко мнѣ адъютантъ отъ г. корпуснаго командира объявилъ мнѣ, что его превосходительство требуетъ меня въ Петропавловскую крѣпость. Генералъ Васильчиковъ, который находился тогда со многими генералами въ комендантскихъ покояхъ, принявъ меня весьма благосклонно, предложилъ мнѣ командованіе втораго баталіона. Я представилъ его превосходительству, что, командуя уже первымъ, мнѣ трудно будетъ принять на свою отвѣтственность и другой, въ которомъ числились два полковника, изъ коихъ одинъ былъ старѣе меня. Генералъ Васильчиковъ отвѣчалъ мнѣ, что сіи полковники въ прошедшую ночь оба оказались больными и что, по причинѣ назначенаго второму баталіону похода въ крѣпость Свеаборгъ, сей баталіонъ вручалъ онъ мнѣ; „почему и надѣялся (прибавилъ онъ), что

¹⁾ Именно 6-й роты, коей ординарца, вѣстового и двухъ человѣкъ со щетками нашелъ я въ залѣ у его высочества. Того же дня и, по обыкновенію, были разосланы вѣстовые во всѣ мѣста. Посему трудно вѣрить, чтобы бунтъ существовалъ до таковой степени, какъ начальство хотѣло оный его императорскому величеству представить; ибо въ таковомъ случаѣ, то есть, когда бы возмущеніе было бы слѣдствиемъ какого-либо заговора или замышленія, невѣроятно было бы, чтобы полкъ собрался на площадь безъ оружій, въ рубашкахъ, въ шинеляхъ и безъ полной обуви; еще бы неподумать было вѣстовымъ не выйтти изъ ежедневнаго порядка и слѣдовать къ назначенному имъ мѣстамъ.

B.

люди, подъ моимъ начальствомъ, сохранивъ должные порядокъ, тишину и устройство, не замедлять возвратить полку благорасположение и прощеніе государя императора". Одинъ часъ мнѣ данъ былъ для того, чтобы проститься съ родителями и приготовиться къ походу.

Возвращаясь въ крѣпость, я встрѣтилъ на дорогѣ лейбъ-гвардіи казачій, кавалергардскій и гренадерскій полки, которые всѣ подвигались къ Троицкому мосту ¹⁾). Корпусный командиръ, давъ мнѣ нѣкоторыя наставленія и вручивъ деньги, приказалъ мнѣ собрать баталіонъ и выстроить оный въ колонну. По исполненіи сего приказанія, гг. генералы Васильчиковъ, Милорадовичъ, Закревскій и многіе другіе подошли къ людямъ, вновь увѣщевали ихъ, давали имъ совѣты на счетъ будущаго ихъ поведенія и обѣщались исходить вѣтствовать имъ прощеніе у государя императора; тутъ же прочтень быль низшимъ чинамъ приказъ, который отрѣшалъ полковника Шварца отъ командованія полка. Что касается до моей ревности, оная была возвышена до необыкновенной степени; всѣ восхваляли то, что я чтиль простымъ исполненіемъ обязанностей, всѣ превозносили меня... не знаю за что?... всѣ прославляли мое стараніе.... многіе даже, что оное не останется безъизвѣстнымъ государю императору ²⁾).

Послѣ, простившись со мною и съ людьми, генералъ Васильчиковъ приказалъ мнѣ оныхъ посадить на приготовленные три штимбота. Вотъ какимъ образомъ, 1820 г.. 19-го числа октября мѣсяца, въ 11 часовъ по полуночи, сопутствующій вѣтромъ и дождемъ, я поплылъ изъ Санктпетербурга, предводительствуя 8-ю стами, въ ветхихъ шинеляхъ одѣтыми, людьми, изъ коихъ половинное число было почти безъ обуви.

Въ Кронштадтъ прїѣхалъ я весьма поздно; людей, обмоенныхъ и цѣлый день неѣвшихъ, въ самый городъ не впустили, а помѣстили на военный корабль, именемъ „Память Евстафія“. Оный стоялъ на рейдѣ, въ самомъ жалкомъ положеніи, безъ оконекъ, безъ рамъ, безъ бортовъ и налитый водою ³⁾). На немъ ждалъ я шесть дней

¹⁾ По принимаемымъ мѣрамъ начальниками, всякий здраво-мыслящий долженъ быть заключить, что непріятель находился въ окрестностяхъ города: ибо, встрѣчая въ одномъ мѣстѣ кавалергардскій полкъ, въ другомъ—конногвардейскій, здѣсь—лейбъ-казаковъ, тамъ—артиллерию, дающе—пѣхоту, нельзя было думать, что всѣ сіи войска тронулись для усмиренія горсти обезоруженныхъ людей. Таковыми мѣрами начальство лишь обнаружило всму городу и въ одну минуту происшествіе, которое могло и даже должноствовало пребыть скрытымъ.

B.

²⁾ Смотри ниже письмо подъ литерой Д.

B.

³⁾ Не могу не замѣтить, что на кораблѣ «Память Евстафія», по малой помощи, данной мнѣ начальствомъ, едва могъ я устроить между подчиненными

вооруженія трехъ фрегатовъ, назначенныхъ для баталіона; въ числѣ оныхъ фрегатъ „Іоганъ-Шарлота“ быль назначенъ того же года въ ломъ.

25-го октября, наконецъ, мы подняли якорь и поплыли къ Свеаборгу¹⁾). Морозы, вѣтры, снѣги и дожди беспокоили насъ во всю переправу, что тѣмъ тягостнѣе было, что люди одежды почти никакой не имѣли. На пятый день прибыль я къ мѣсту назначенія, но съ двумя только ротами; другія двѣ, будучи въ невозможности противиться вѣтрамъ, должны были 12-ть дней прожить на ревельскомъ рейдѣ, послѣ чего и соединились со мною въ Свеаборгѣ; баталіонъ квартировалъ смиро и тихо, въ чёмъ ссылаюсь на начальниковъ сей крѣпости. Онуя оставилъ я 25-го ноября, въ силу высохшаго приказа, отданного 2-го числа того же мѣсяца; а 15-го января 1821 года вступилъ я съ баталіономъ въ городъ Псковъ²⁾). Распределеніе людей по дивизіямъ, расчетъ артельныхъ денегъ и раздача имущества солдатскаго по рукамъ, задержали меня два дни въ Псковѣ; по истеченіи оныхъ и соображаясь съ приказаніями г.дежурнаго генерала, я сдалъ баталіонъ старшему по мнѣ, и, въ вечеръ 16-го числа, отправился въ С.-Петербургъ, гдѣ явился къ генералъ-адъютанту Орлову, бывшему тогда презуомъ суда, учрежденного надъ полковникомъ Шварцомъ. Послѣ трехнедѣльного пребыванія въ столице и давъ въ вышеупомянутую комиссию нѣкоторыя требованія отъ меня объясненія, я быль отправленъ въ Костромской пѣхотный полкъ; за отсутствіемъ командира онаго барона Врангеля, принялъ я сей полкъ въ командованіе.

Апрѣля 6-го дня 1821 г. я получилъ приказаніеѣхать въ городъ Псковъ и явиться тамъ генералъ-лейтенанту Лаптеву. По случаю назначенія 1-й пѣхотной дивизии похода, я уже не нашелъ его какой-либо порадокъ касательно ихъ пищи. Всѣ страшились, всѣ взирали на мою команду, какъ на опаснѣйшихъ нарушителей общаго спокойствія,— и строгій приказъ воспрещалъ ей входъ въ Кронштадтъ и всякое съ оными сообщеніе. Долженъ также здѣсь прибавить, что если я счастливо дошелъ до Свеаборга, я сіе приписываю не попечению и не старанію начальниковъ, но единственно Провидѣнію, избавившему отъ гибели суда, которыя, по ветхости своеї, високолько не казались способными къ дальному пути. В.

¹⁾ Не взирая на законъ Петра Великаго, претащій военные корабли въ таковое позднее время пускать въ море. В.

²⁾ Въ теченіи похода 2-го баталіона изъ крѣпости Свеаборга въ городъ Псковъ, сильнейшая коры задержала меня въ Выборгѣ; вместо требуемыхъ шести недѣль, для совершенного выздоровленія отъ сей опасной въ моряхъ лѣтакъ болѣзни, я, не взирая на увѣщванія докторовъ, догналъ вѣренную мнѣ команду на тринадцатый день. В.

превосходительства въ семь городѣ; но увѣдомленъ предписаніемъ, оставленнымъ мнѣ, что, по высочайшей волѣ, велѣно производить надо мною слѣдствіе за то, что, какъ показалъ г. подполковникъ NN, я былъ главною виною происшедшемъ въ Псковѣ беспорядкамъ, во время распределенія по дивизіямъ людей втораго баталіона бывшаго Семеновскаго полка ⁵⁾). Изслѣдованіе сего дѣла было поручено генералу Жеребцову; назначенный тогда походъ 1-му пѣхотному корпусу, къ коему меня прикомандировали, былъ причиной тому, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я имѣлъ пребываніе свое въ городахъ: Ригѣ, Шавляхъ, Митавѣ, Ковнѣ, Вильнѣ и Динабургѣ.

Генералъ Жеребцовъ разсмотрѣлъ доносы, сдѣланные на меня, равно какъ и аттестаты начальниковъ тѣхъ губерній и городовъ,透过 которые я проходилъ, присланные ему въ доказательство хорошаго поведенія нижнихъ чиновъ, состоявшихъ тогда подъ мою командою; его превосходительство, изслѣдовавъ и тѣ, и другіе, открыть нелѣпость и несправедливость всѣхъ существующихъ обвиненій, и я былъ оправданъ... Но сіе было недостаточно; имѣя, вѣроятно, сильныхъ враговъ, я долженъ былъ остаться виноватымъ ⁶⁾), и потому, не взирая на рѣшеніе суды, очистившаго меня отъ всякихъ доносовъ, я получилъ наистрожайшій выговоръ, частію за неумѣстныя выраженія, а частію и за то, что исполнилъ свой долгъ!

15-го числа іюня 1821 г. я былъ отправленъ обратно въ полкъ; съ онимъ сдѣлалъ я походъ, съ онимъ вступилъ на новыя квартиры, назначенные ему въ Воронежской губерніи, въ деревнѣ Равенкахъ. Едва располагался поправить свое здоровье и имѣніе, совершенно разстроенный вышеупомянутыми походами и поѣздками, какъ присланное въ полкъ новое приказаніе отъ высшаго начальства увѣдомило меня, что я преданъ военному суду, „за то, что слабымъ и несообразнымъ съ долгомъ службы поведеніемъ своимъ я далъ усилиться беспо-

⁴⁾ Не знаю, какая причина побудила г. NN учинить на меня столь несправедливый доносы; но извѣстно мнѣ, что въ день, послѣ моего отѣзда изъ Пскова, опять приѣхалъ въ оній городъ, видѣлся съ генераломъ Лаптевымъ, и, вѣроятно, вотъ какимъ образомъ, не довѣдалась истины и не давъ себѣ времени основать свои показанія, опять представилъ на меня рапортъ, по которому и отданъ я былъ подъ слѣдствіе.

B.

⁵⁾ Вотъ двадцать мѣсяцевъ, какъ я гонимъ безпрестанно по дѣлу семеновскаго полка. Сравнивъ таковыя преслѣдованія съ похвалами, коими осъпали меня генералы во время пропшествія, припомнинъ дапное мнѣ вѣкоторыми обѣщашіе довести мою ревность до свѣдѣнія государя императора, не могу не заключить, что имѣю сильныхъ враговъ; не могу не думать, что оніе стараются меня погубить во мѣніи царя моего, какъ беспокойнаго свидѣтеля ихъ важныхъ ошибокъ.

B.

радку, происшедшему въ командование мое первымъ баталіономъ прежнаго состава лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка". Судъ долженъ бытъ производиться въ штабѣ гвардейскаго корпуса, и мнѣ приказано было явиться къ генераль-адъютанту Васильчикову. 25-го числа октября мѣсяца 1821 г. я прибылъ въ Витебскъ; но, по случаю перевода штаба изъ онаго города въ Минскъ, я уже не засталъ генерала Васильчикова, а явился къ генераль-адъютанту Орлову, назначенному презусомъ вышесказанный комиссіи; послѣ сего вскорѣ началось судопроизводство.

Въ свиданіи моемъ съ генераломъ Орловымъ 20-го числа февраля мѣсяца 1822 г., его превосходительство объявилъ мнѣ, что спустя 4 дня прочтена будетъ мнѣ выписка всѣхъ моихъ отвѣтовъ; послѣ чего, черезъ двѣ недѣли, и самое дѣло будетъ приведено къ концу. Мѣсяцъ прошелъ, но ни выписки, ни рѣшенія не слыхалъ. Знаю только несомнительно, что, противу всѣхъ законовъ, существующихъ въ Россіи, 1-го числа марта мѣсяца весь составъ нашего дѣла былъ съ эстафетою отправленъ въ С.-Петербургъ.

Апрѣля мѣсяца, 14-го дна, я бытъ призванъ въ комиссію; суды, прочитавъ мнѣ краткую выписку всего дѣла и присоединенное къ ней отношеніе генерала Васильчикова, требовали отъ меня, чтобы я всѣ сіи бумаги подписалъ. Найдя вышесказанное отношеніе во всѣхъ пунктахъ несогласнымъ съ правдою и не желая, подписать оное, дать поводу думать, "что я нахожу показанія генерала Васильчикова истинно справедливыми, то есть, что я признаю себя совершенно виноватымъ", я просилъ у г. презуса и получилъ отъ него позволеніе на сіе отношеніе отвѣтчать; но, имѣвъ на то только 8 часовъ даннаго времени, не успѣвъ посему упомянуть о каждомъ пункте отдельно, находя впрочемъ, что оные почти всѣ противны были истинѣ, я, по праву всякаго подсудимаго, подалъ въ комиссію рапортъ, коимъ вообще опровергалъ все, показанное на меня генераломъ Васильчиковыемъ.

Наконецъ, въ засѣданіи 22-го числа того же мѣсяца 1822 г., мнѣ прочтена была сентенція. Я приговоренъ къ лишенію чести, имѣнія и живота:

- 1) За то, что потерялъ записку капитана Кошкарова, тогда какъ никакой законъ не обязывалъ меня оную сохранить.
- 2) Потому, что я на другой день только прїехалъ въ роту его величества, тогда какъ я имѣлъ на то важныя причины, совершенно меня оправдующія.
- 3) За то, что я не употребилъ для возстановленія порядка какія-

либо рѣшительныя мѣры, тогда какъ никто изъ старшихъ въ сему средству не прибѣгалъ.

4) За то, что я не довольно пространно отвѣчалъ на отношеніе генерала Васильчикова; какой бы мой приговоръ въ противномъ случаѣ¹⁾?

Вотъ посуленная мнѣ награда! Вотъ мѣда, обѣщанная генералами! Пятнадцать лѣтъ служу царю моему и отечеству; смиль льстить себя мыслю, что въ теченіе сего времени не безъ успѣховъ всегда старался я стяжать благорасположеніе начальниковъ, любовь товарищей и довѣріе подчиненныхъ. Нынѣ гонимый, преслѣдуемый жертвою нечестиваго суда, могу-ли не роптать на тѣхъ, кои скрываютъ истину государю императору, на тѣхъ, кои уже лишили меня его милостей, наносять еще сильнѣйшие удары чести моей? Я невиненъ! гласъ совѣсти и истины вѣщаютъ мнѣ, что во всѣхъ моихъ поступкахъ я дѣйствовалъ, какъ должно. Но если и самое оправданіе тяготитъ того, кто не заслужилъ обвиненія, долженъ-ли я равнодушно видѣть себя въ лицѣ всей арміи осужденнымъ на то, къ чему приговариваются и самыхъ измѣнниковъ? могу-ли хладнокровно видѣть себя лишеннымъ всѣхъ способовъ оправдаться передъ моимъ царемъ?

Ив. Вадковскій.

1822 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

A.

Mon cher Wadkovsky! J'ai été extrêmement content, que nos desirs se sont rencontrés sur le même point: j'avant même d'avoir eu le plaisir de recevoir votre lettre, j'avais écrit au Prince Volkonsky en lui proposant pour le régiment de la Petite Russie un Lieutenant-Colonel de l'armée, je lui dis en même temps que le Général en chef désirerait davantage, qu'on nous donne un Colonel de la Garde et je me suis pris la liberté de vous proposer vous, étant persuadé qu'on ne vous nommerait pas, sans savoir votre consentement. Il paraît que l'Empereur pour ne pas retarder la nomination a mieux aimé de fixer son choix sur le Lieutenant-Colonel proposé; mais comme il y a à présent le

¹⁾ Я приговоренъ по 134-му артикулу воинскаго сухопутнаго устава. Предлагаю всякому здравомыслящему прочесть сю выписку и спрашивать: есть-ли въ оной хотя бы и одна строка, которая бы соответствовала упомянутымъ обстоятельствамъ въ вышесказанномъ артикулѣ? Предполагаю даже, что я виновенъ и что иною сдѣланы были найдены судомъ ошибки,—заслуживаю я, и наравнѣ съ преступникомъ, лишенія чести, имѣнія и живота? В.

5-me de Carabiniers vacant et que celu de Fanagoria le sera sous peu de temps, j'espère qu'une seconde tentative réussira mieux, d'autant plus, si je puis l'appuyer de votre consentement et de celu du Divisionnaire. Je serai bien content de vous voir dans la 1-re armée, mon cher Colonel, et encore davantage, si cela me donnera l'occasion de vous prouver les sentiments d'estime et d'amitié que vous porte. Votre très dévoué Dibitch.

Mohilef. Ce 15 Octobre 1820.

B.

Je ne sais, cher et aimable Colonel, si vous vous rappellez quelques fois de l'existence d'un homme, qui malgré la distance où le sort l'a placé, loin de ses amis et des compagnons de sa jeunesse, malgré le tems, se rappelle toujours avec plaisir des moments qu'il a passé avec vous et qui se fait une fête de l'idée qu'il pourra redevenir votre camarade, si bon vous le semble. Je suis chargé par le Général Ermoloff (Алексей Петрович) de savoir votre consentement, accepteriez vous un régiment dans le corps d'armée de la Géorgie? Le Général n'a pas voulu faire de présentation, sans avoir préalablement votre consentement... etc. etc. etc. P. Ermoloff.

Tiflis. Ce 17 Aout 1820.

C.

Милостивый государь, Иванъ Федорович! Возвратясь изъ расположения полковъ вѣренной мнѣ дивизіи, нашелъ письмо ваше. Имѣвъ случай узнать усердіе, съ коимъ вы исполняли обязанность ротнаго командира, увѣренъ, что, взойдя на высшую степень, оно, конечно, еще увеличится, буде сie возможно; а потому душевно радъ буду, если вы, по пребыванію своеемъ въ Пе-

А. (Переводъ). Любезный Вадковскій! Я быль чрезвычайно доволенъ, что мы сошлись въ нашихъ желаніяхъ; прежде чѣмъ я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо, я писалъ къ князю Волконскому и предложилъ ему въ командиры малороссійскаго полка армейскаго подполковника, но въ тоже время сообщиаъ ему желаніе главнокомандующаго, чтобы къ намъ быль назначенъ гвардейскій полковникъ. При этомъ я осмѣялся указать на васъ, будучи увѣренъ, что безъ вашего согласія не послѣдуетъ назначенія. Кажется, что государь, чтобы не задержать назначенія, предпочелъ остановить свой выборъ на представленномъ подполковникѣ. Такъ какъ теперь есть вакансія въ 5-мъ карабинерномъ полку и въ скоромъ времени еще откроется въ фанагорійскомъ, то я надѣюсь, что второе ходатайство лучше удастся, тѣмъ болѣе, если мнѣ его можно будетъ подкрѣпить вашимъ согласіемъ, и согласіемъ дивизіоннаго начальника. Я буду очень радъ видѣть васъ въ 1-й арміи, мой любезный полковникъ, тѣмъ болѣе, что это даетъ мнѣ случай доказать вамъ чувства уваженія и дружбы, которыя къ вамъ имѣть вамъ преданный Дибичъ.

Могилевъ, 15-го октября 1820 г.

В. (Переводъ). Не знаю, дорогой и любезный полковникъ, вспоминаете ли вы когда-либо о существованіи человѣка, который не смотря ни на пространство, кудасудьба его забросила, вдали отъ всѣхъ его друзей и товарищѣй его молодости, ни на время, всегда съ удовольствіемъ вспоминаетъ минуты, проведенные съ „русскою старинною“, т. VII. 1873 г. май.

тербургъ, узнать о могущей открыться ваканціи, будете стараться быть по-
мощеннымъ въ командаумой мною дивизіи. etc. etc. etc. М. Храповицкой.

Тула. 2-го июня 1820 г.

D.

Le Général Vassiltchikoff ayant lu votre lettre, mon Colonel, m'a chargé de vous dire, que comme il regarde votre présence indispensable pour ce moment au second bataillon. Il ne peut pas vous accorder votre demande. L'Empereur à son arrivé ici, décidera de tout, et prendra sûrement en considération le zèle, que vous avez mis à commander le second bataillon. etc. etc. etc.
А. Benkendorff.

St.-Petersbourg. Ce 22 Octobre 1820.

вами и заранѣе радуется при мысли, что онъ снова можетъ сдѣлаться вашимъ сотоварищемъ, если вамъ это будетъ угодно. Мне поручилъ генераль Ермоловъ (Алексѣй Петровичъ) узнать: согласитесь ли вы принять полкъ въ грузинскомъ корпусѣ? Генераль не хотѣлъ сдѣлать обѣ этомъ представлениа, не получивъ предварительно вашего на то согласія, и пр. П. Ермоловъ.

Тифлисъ, 17-го апреля 1820 г.

D. (Переводъ). Генералъ Васильчиковъ, по прочтениіи вашего, полковника, письма, поручилъ мнѣ сообщить вамъ, что такъ какъ онъ въ настоящее время считаетъ ваше присутствіе во 2-мъ баталіонѣ необходимымъ, то и не можетъ согласиться на вашу просьбу. Государь, по возвращеніи сюда, разрѣшитъ все и, безъ сомнѣнія, обратить вниманіе на ревностную службу, оказанную вами при командованіи 2-мъ баталіономъ, и пр. А. Бенкendorffъ.

С.-Петербургъ, 22-го октября 1820 г..

Сообщ. А. Ф. Вычкановъ.